

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128

EDN: EIZGFA

Научная статья / Research article

Типы авторского сознания в поэзии Габдуллы Тукая

М.И. Ибрагимов^{ID}

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан, Казань, Российская Федерация*
✉ mibragimov1000@mail.ru

Аннотация. В современном литературоведении актуальной является проблема методологии изучения идентичности национальных литератур. Принимая во внимание, что в рамках индивидуально-творческого типа художественного сознания ключевой фигурой литературного процесса становится автор, значимым для понимания идентичности является исследование типов авторского сознания в разноразмерных системах (творчество одного писателя, литературное направление (течение), литературная эпоха). Автором исследованы формы субъектной организации и проанализированы типы авторского сознания в лирике Габдуллы Тукая. Основные задачи: определить субъектные формы в лирических стихотворениях Г. Тукая (лирическое «я», повествователь, ролевая лирика); установить их релевантность типам авторского сознания (просветительское сознание, религиозное сознание, национальное сознание и др.); дать характеристику лирической системы поэта (односубъектная, многосубъектная). Материалы исследования — стихотворения Г. Тукая 1905–1913 гг. Исследование основано на методе субъектного анализа, теоретические основы которого были разработаны в трудах Б.О. Кормана и созданной им научной школы. В результате проведенного исследования установлено, что в лирике Г. Тукая присутствуют разные субъектные формы выражения авторского сознания: повествователь, лирическое «я», ролевая лирика. Многообразие субъектных форм соответствует многообразию типов авторского сознания: просветительское, религиозное, гражданское, национальное. На примере анализа отдельных стихотворений установлена связь между субъектными формами и авторской самоидентификацией.

Ключевые слова: татарская литература, субъектная организация произведения, литературная эпоха, художественное сознание, лирическое «я»

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью их стимулирования к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение № 5/2025 — ПД).

Для цитирования: *Ибрагимов М.И.* Типы авторского сознания в поэзии Габдуллы Тукая // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 113–128. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128> EDN: EIZGFA

Types of Authorial Consciousness in the Poetry of Gabdulla Tukay

Marcel I. Ibragimov^{ORCID}

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation
✉ mibragimov1000@mail.ru

Abstract. The problem of methodology for studying the identity of national literatures is a pressing issue in contemporary literary studies. Considering that within the framework of the individual creative type of artistic consciousness, the author becomes a key figure in the literary process, studying types of authorial consciousness in multi-level systems (the work of a single writer, a literary movement (movement), or a literary era) is significant for understanding identity. The purpose of this article is to identify and analyze types of authorial consciousness in Gabdulla Tukay's lyric poetry based on a study of the forms of subject organization. Main objectives: to define subjective forms in G. Tukay's lyric poems (lyrical "I", narrator, role-playing lyrics); to establish their relevance to the types of author's consciousness (enlightenment consciousness, religious consciousness, national consciousness, etc.); to characterize the poet's lyrical system (single-subject, multi-subject). Research materials: G. Tukay's poems from 1905 to 1913. The study is based on the method of subjective analysis, the theoretical foundations of which were developed in the works of B.O. Korman and the scientific school he created. As a result of the study, it was established that G. Tukay's lyrics contain various subjective forms of expressing the author's consciousness: narrator, lyrical "I", role-playing lyrics. The diversity of subjective forms corresponds to the diversity of types of author's consciousness: enlightenment, religious, civic, national. Using the example of the analysis of individual poems, a connection was established between subjective forms and the author's self-identification.

Key words: Tatar literature, subjective organization of the work, literary era, artistic consciousness, lyrical "Me"

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. The research was funded by a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to scientific and scientific-pedagogical workers of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan with the aim of stimulating them to defend doctoral dissertations and carry out research work (Agreement No. 5/2025 — PD).

For citation: Ibragimov, M.I. 2026. "Types of Authorial Consciousness in the Poetry of Gabdulla Tukay." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 113–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-113-128> EDN: EIZGFA

Введение

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913), творчество которого на протяжении многих десятилетий остается в центре внимания исследователей [1]. Несмотря на множество трудов, посвященных его поэзии, некоторые вопросы остаются научно не отрафлексированными. До настоящего времени, например, не существует системных работ по типам авторского сознания в лирике Г. Тукая, хотя в

исследованиях ученых разных лет присутствуют подступы к этой проблеме [2–4].

Критики и литературоведы начала прошлого столетия (Г. Ибрагимов, Дж. Валиди) были сосредоточены на анализе эволюции мировоззрения Г. Тукая, изменении его сознания, которое рассматривалось в культурно-историческом ракурсе и в связи с индивидуальными особенностями личности. В 1920–1950-е гг. возобладал подход, ориентированный на установление социальных характеристик авторского сознания («либерально-буржуазное сознание», «религиозное сознание» и пр.). В 1960–1980-е гг. расширяется теоретико-методологическая база исследований: ученые (И. Нуруллин, Г. Халит) учитывают и анализируют различные факторы, определяющие особенности авторского сознания в лирике Г. Тукая (индивидуальная психология, роль литературной традиции, межлитературный диалог и пр.).

Цель исследования — изучение авторского сознания и форм его выражения в лирике Г. Тукая.

Задачи исследования:

- проанализировать различные типы авторского сознания в лирике Г. Тукая (просветительское, гражданское, национальное, религиозное);
- соотнести эти типы сознания с субъектными формами их выражения;
- определить тип лирической системы поэта (односубъектная или много-субъектная).

Теоретической основой статьи является концепция Б.О. Кормана и его последователей об авторе как «субъекте (носителе) сознания, выражением которого является все произведение или их совокупность» [5. С. 316]. В ходе исследования использовались понятия и термины: «субъект речи», «субъект сознания», «точка зрения», «субъектная организация произведения», «эмоциональный тон» и др.

Лирика Г. Тукая впервые рассматривается как система, в которой в качестве системообразующей категории выступает «автор».

Результаты и обсуждение

Авторское сознание в ранней лирике Г. Тукая (1905–1906 гг.)

В исследованиях по творчеству Г. Тукая его ранние произведения рассматриваются в контексте сформировавшегося в конце XIX в. просветительского направления в татарской литературе. Ю.Г. Нигматуллина, характеризуя татарскую литературу начала XX в. как период «ускоренного развития» (понятие, введенное Г.Д. Гачевым), пишет о существовании и параллельном развитии в это время различных художественных методов: просветительского реализма, романтизма, критического реализма, символизма. Для просветительского реализма, по мнению исследователя, характерна двухплановость:

сосуществование реалистического и идеального начал в рамках одного произведения. Первое, как пишет Ю. Нигматуллина, состоит в «критике, разоблачении невежества как социального зла, в обусловленности характеров героев общественной средой»; второе (идеальное начало) — «в поэтизации разума, интеллекта, знаний, в абсолютизации роли общественного мнения» [6. С. 110].

В большинстве ранних стихотворений Г. Тукая — «Голүмен бакчасында» («В саду знаний», 1905); «Дустларга бер сүз» («Слово друзьям», 1905); «Алла гыйшына» («Ради любви Аллаха», 1905); «И каләм!» («О, перо!», 1906) и др., субъект сознания — человек, живущий идеалами просвещения, призывающий своих соплеменников к интеллектуальному и духовному изменению. В них преобладает коллективная идентичность: автор выступает как представитель части татарского общества, которая ратует за прогрессивные преобразования, необходимые для преодоления отставания татар от просвещенных народов Европы:

*Голумлә дөнъяи дотды япон, нәмсә, французлар;
Жәһаләт гафләтилә йоклаганмызлар без аңсызлар¹.*

Благодаря знаниям правила миром японцы, немцы, французы;
Лишенные сознания, мы все проспали из-за своего невежества².

Некоторые стихотворения с просветительским типом авторского сознания представляют собой ролевую лирику. Например, в «Голосе с кладбища мюридов» субъект речи — мюрид (ученик авторитетного суфийского наставника — ишана), раскаивающийся в своей жизни, осознающий, что ишаны не заботились о вере, а исключительно о своем благополучии.

Взяв за основу стихотворение татарского поэта-суфия XIX в. Хибатуллы Салихова, Г. Тукай вкладывает в него иное, отличное от религиозного, содержание. Стихотворение Х. Салихова написано в духе суфийской поэзии: в его основе — одно из ключевых понятий в суфизме — *тауба* (покаяние, раскаяние): лирический субъект укоряет себя в том, что не смог при жизни отказаться от мирских наслаждений, преодолеть свой *нафс* (понятие, которым в суфийской доктрине обозначается «эго» человека, являющееся, по мнению суфиев, низшим (животным, дьяволическим) проявлением внутреннего мира).

У Г. Тукая, в отличие от Х. Салихова, субъект речи выступает не как носитель религиозного (суфийского) сознания. Он, напротив, критикует ишанов (суфийских наставников), считая, что они препятствуют прогрессу нации.

¹ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. Т. 1 : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 35 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 35.

² Подстрочные переводы с татарского здесь и далее сделаны автором статьи.

В стихотворении субъект речи и субъект сознания не совпадают: субъект речи — некогда преданный своим учителям-ишанам, но впоследствии разочаровавшийся в проповедуемых ими идеях мюрид; субъект сознания — представитель молодого поколения, убежденный в том, что ишаны приносят нации вред.

К ролевой лирике относится и стихотворение «Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр» («Что говорят шакирды, покинувшие медресе», 1907), в котором субъектом речи выступают шакирды, оставившие медресе. Субъект сознания в нем — шакирд, некогда учившийся в старометодном татарском медресе и критически относящийся к существующей системе образования.

Антиклерикальная направленность отдельных стихотворений, написанных в начальный период творчества поэта, не означает, что Тукай был противником религии. Просветительское сознание не нивелирует ценности ислама, о чем, например, свидетельствуют стихотворения «Хәзерге хәлемезә даир» («О нынешнем положении») и «И каләм!» («О, перо!»), в которых центральным становится образ пера. Семантика этого образа включает религиозный пласт, создаваемый посредством коранических аллюзий. В стихотворении «О нынешнем положении» упоминается сура «Нун» («Перо»), в 68-м стихе которой приводятся слова клянущегося пером Всевышнего: «Я клянусь пером!». В стихотворении «О перо!» раскрывается авторское понимание назначения поэзии: вести нацию к просвещению («Чакырып яз укырга, уку кыймәтен тәкъдир ит; / Анлат наданлыкның начарлыгын, анлат агу икәнән»³ — «Побуди нас к обучению, сделай это нашей судьбой; / Покажи, что невежество — яд, коварство»), отличать истину от лжи («Яз караны «кара» дип һәм акны ак, / Жөпне «жөп» дип һәм шулай ук такны так» — «Называй черное черным, а белое — белым, / Четное — четным, а нечетное — нечетным»).

Таким образом, в раннем творчестве Г. Тукая преобладает тип авторского сознания, связанный с традициями татарского просветительства XIX в. Во многих произведениях этого периода носитель сознания обозначен местоимением «мы», т.е. субъект речи выступает как член социальной группы, которую объединяют просветительские идеалы. «Мы» в стихотворениях 1905–1906 гг. тождественно той части татарского общества, которая осознанно стремится изменить жизнь татар в соответствии с этими идеалами. Этот маркер коллективной идентичности, несмотря на различные номинации («друзья», «братья», «умма Мухаммеда» и пр.), имеет консолидирующий смысл: автор подразумевает под ним всю нацию, о чем, в частности, свидетельствует обращение в стихотворении «Иттифак хакында» («О единстве», 1905):

³ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 72.

<i>Тырышыыйк, и хас вә гам,</i>	Старайтесь, знатные и простолюдины,
<i>Һәр көн үзгәрә заман;</i>	Ежедневно меняется жизнь;
<i>Житәр, йокламыйк һаман, —</i>	Хватит, давайте не будем вечно спать, —
<i>Таннар атты, бадавам⁴.</i>	Взошла заря, бадавам.

Автор — носитель гражданского и национального сознания

Во многих написанных в 1905–1907 гг. стихотворениях автор предстает как сторонник общественно-политических преобразований, провозглашающий идеал свободы («Хөррият хакында» — «О свободе», 1905), призывающий сограждан к единению («Иттифакъ хакында» — «О единстве», 1905), критикующий противников социальных изменений («Хатираи „Бакырган“» — «В память о „Бакыргани“», 1906; «Сорыкортларга» — «Трутням», 1906; «Хөрриятә» — «К свободе», 1907).

Гражданские идеалы в лирике Г. Тукая были неразрывно связаны с национальными. Во многих произведениях субъект речи выступает как *милләт-пәрвар* (патриот своей нации). Этот тип автора широко представлен в татарской поэзии начала XX в. и обусловлен ростом национального самосознания татар в этот период.

Стихотворения, в которых выражается национальное самосознание (национальная идентичность), создавались Г. Тукаем в различное время: «Көз» («Осень», 1906), «Милләтә» («К нации», 1906); «Үз-үземә» («Самому себе», 1906), «Кичке азан» («Вечерний азан», 1906), «Ләззәт вә тәм нәрсәдә» («В чем удовольствие и сладость?», 1907), «Кем ул?» («Кто он?», 1907), «Китмибез!» («Не уйдем!», 1907) — в первый период творчества; «Мәрхүм Мөхәммәдзаһир әфәндегә» («Покойному Мухамметзагиру эфенди», 1908), «Милләтчеләр» («Националисты», 1908), «Милли моңнар» («Национальные мелодии», 1909); «Туган тел» («Родной язык», 1909) — во второй; «Хөрмәтле Хөсәен ядкаре» («Светлой памяти Хусаина», 1912), «Аң» («Сознание», 1912); «Даһигә» («Гению», 1913) — в третий (заключительный) период.

Формы выражения этого типа авторского сознания различны. В некоторых произведениях переживание национальной идентичности представлено как процесс, в котором лирический субъект оказывается сопричастным национальной истории. Таковыми, например, являются стихотворения «Вечерний азан» и «Национальные мелодии». В первом — лирическая медитация строится как движение от прошлого к настоящему. В сознании лирического субъекта под впечатлением от звуков вечернего азана возникают картины исторического прошлого: падение татарских ханств (Касимовского, Казанского, Астраханского), утрата государственности. Эти переживания сменяются рефлексиями

⁴ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 57.

по поводу отсутствия национального единства («Юк шул безләрдә берләшмәк; / Юк бергә-бер гөрләшмәк, / Бер җан, бер тән / Булып һәр неч- /кә серне бер-гә серләшмәк»⁵ — «Нет между собой / У нас единства; / Нет дружеских/ Чувств друг к другу, / Чтоб жить одной / Душой и телом / И доверять друг другу / Самое сокровенное»), переходящими в завершающий стихотворение мотив исчезновения:

<i>Сау бул, дөнья!</i>	Прощай, мир!
<i>Инде беттек;</i>	Уже нас нет;
<i>Бетәргә сүзне беркеттек;</i>	Мы должны исчезнуть.
<i>Вактында җирне селкеттек,</i>	Было время, мы сотрясали всю землю,
<i>Инде беттек,</i>	Уже нас нет,
<i>Инде беттек</i> ⁶ .	Уже нас нет!

Здесь преобладает прямооценочная точка зрения на причины упадка нации, выраженная от лица «мы». Автор выступает не как дистанцированный от событий исторического прошлого повествователь, а как представитель своей нации, переживающий за ее судьбу.

Лирический сюжет стихотворения «Национальные мелодии» разворачивается как процесс переживания автором самоидентичности. В первой строфе субъект речи, маркированный личным местоимением «я», захвачен исполняемой «другим» песней, мелодия которой рождает у него эмоциональный отклик и рефлексию:

<i>Башка килә уйлар төрлө-төрлө,</i>	В голову приходят различные мысли,
<i>Әллә нинди зарлы, моңлы көй</i> ⁷ .	Какая-то жалобная, грустная песня.

В следующей строфе лирическое «я» сменяется «мы»:

<i>Өзлөп-өзлөп кенә әйтеп бирә</i>	Тревожа сердце, она говорит,
<i>Татар күңлә ниләр сизгәннән;</i>	Что чувствует душа татар;
<i>Мескин булып торган өч йөз елда</i>	Как триста лет терпели мы горе,
<i>Тәҗдир безне ничек изгәннән</i> ⁸ .	Испытывали гнет судьбы.

Обращение к историческому прошлому народа, полному тягот и лишений, придает лирическому переживанию эпичность:

⁵ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 72 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 135.

⁶ Там же.

⁷ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 59 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 59.

⁸ Там же.

<i>Күпме михнэт чиккән безнең халык,</i>	Сколько горя претерпел наш народ,
<i>Күпме күз яшьләре түгелгән;</i>	Сколько было пролито слез.
<i>Милли хисләр белән ялкынланып,</i>	Воодушевляясь национальными чувствами,
<i>Сызлып-сызлып чыга күңленән⁹.</i>	Протяжно он об этом поет.

В следующей строфе вновь появляется лирическое «я», указывающее на изменение в переживании самоидентичности: от коллективной идентичности (мы — татары) автор переходит к индивидуальной, подчеркивая личностное переживание сопричастности к национальной истории, возвышающее субъекта речи над тем, что с точки зрения испытываемого чувства представляется обыденным и малозначительным:

<i>Хәйран булып жырны тыңлап тордым,</i>	С изумлением я слушал песню,
<i>Ташлап түбән дөнья уйларын;</i>	Забыв все низкие мирские думы;
<i>Күз алдымда күргән төсле булдым</i>	Перед взором моим словно бы воскресли
<i>Болгар һәм Ак Идел буйларын¹⁰.</i>	Болгар и берега Белой.

В заключительной строфе в качестве одного из субъектов речи выступает и сам поющий:

<i>Түзәлмәдем, бардым жырлаучыга,</i>	Не выдержал я, подошел к певцу,
<i>Дидем: «Кәрдәш, бу көй нинди көй?»</i>	Спросил: «Брат, что это за мелодия?».
<i>Жавабында милләтәшем миңа:</i>	Соплеменник мне ответил:
<i>«Бу көй була, – диде, „Әллуки“»¹¹.</i>	«Эта мелодия — „Аллюки!“».

Здесь переживание идентичности приобретает характер кровного родства; на это указывает обращение к поющему – «Кәрдәш!» (в этимологии этого имеющего общетюрское происхождение слова присутствует корень «ка-рын» — живот, чрево).

Анализируя субъектную организацию стихотворения, В.Р. Аминева пишет о «бытийно-субъектном взаимопроникновении» «я» и «мы», одновременно подчеркивая, что оно «не приводит к интегральности образа лирического субъекта и отказу от изображения его как замкнутой и определенной личности», иначе говоря, «субъект речи, совмещающий в себе голоса „других“ до полного слияния и неотделимости друг от друга, в то же время остается самим собой» [7. С. 17].

⁹ *Тукай Г. Әсәрләр* : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 59 б. = *Тукай Г. Сочинения* : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ Там же.

Субъект религиозного сознания в поэзии Г. Тукая

В советский период стихотворения Г. Тукая, в которых автор высупает как субъект религиозного сознания, маргинализировались. В литературоведении и критике им уделялось мало внимания. Напротив, произведения анти-клерикальной направленности, в которых Г. Тукай критиковал консервативное духовенство, выдвигались на первый план как свидетельство негативного отношения поэта к религии. Более того, отдельные произведения с религиозными образами и мотивами долгое время не включались в многотомные собрания сочинений поэта.

К числу стихотворений, в которых автор выступает как носитель религиозного сознания, относятся «Тээссер» («Впечатление», 1908); «Васыятем» («Мое завещание», 1909); «Китап» («Книга», 1909); «Ана догасы» («Молитва матери», 1909); «Мигъраж» («Миградж», 1910); «Бер мән» («Неведомая душа», 1910); «Кадер кич» («Ночь ал-Кадр», 1911).

В «Тээссер», вольном переводе стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва», показан процесс обретения лирическим субъектом душевной просветленности при чтении Корана:

*Укыйм тиз-tiz күңелдән бер гажәиб сүрә Коръәннән, —
Газаплар мәгънәви бер кул илән алынадыр җәннан*¹².

Читаю быстро про себя я одну удивительную суру из Корана —
Душа, словно по мановению чьей-то руки, освобождается от мук.

Лирический сюжет в стихотворении разворачивается как движение чувств лирического субъекта от локальных, обусловленных жизненными невзгодами ситуаций (минут жизни) к вневременному переживанию величия Всевышнего:

*Укыйм тиз-tiz күңелдән бер гажәиб сүрә Коръәннән, —
Газаплар мәгънәви бер кул илән алынадыр җәннан.
Оча дилдән бөтен шик-шөбһәләр, һәм мин җылыый башлыыйм:
Яңакларны мөкаддәс күз яшемлә энҗели башлыыйм*¹³.

Читаю быстро про себя я одну удивительную суру из Корана —
Душа, словно по мановению руки, освобождается от мук.
Уходят прочь с души все сомнения, и начинаю я плакать;
По щекам катятся священные жемчужные слезы.

¹² Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 221 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 221.

¹³ Там же.

Образ слез и мотив плача выступают как знаки переживаемого лирическим субъектом катарсиса — душевного очищения, переходящего в конце стихотворения в благоговейное признание величия Аллаха и его прославление:

*Ходай! Син тыйган эшләр тамам әкътәгъ вә әбтәр, дим;
Иям баш сәждәгә: «Аллаһе хак! Аллаһе әкбәр!» — дим¹⁴.*

Я говорю: «Всевышний! Все, что ты запретил, ненужно и плохо». Склоняюсь молитвенно, говоря: «Аллах праведен! Аллах велик!»

В стихотворении «Неведомая душа» от чувства безнадежности («*Өзеп барлык хәятимнан өмидне, / Димен: „Аһ, бар да бетте, бар да бетте!“*»¹⁵ — «Потеряв всякую надежду в своей жизни, / Говорю: „Ах, все кончено, все кончено!“») лирический субъект приходит к благодатному принятию мира: «*Тибәр күңлем моңарчы бер ләгыйнчә / Тибәдер “рәхмәттән лил-галәмин” ча*»¹⁶ — «Мое сердце, одержимое до этой поры дьяволом / Преисполнено „милостью для миров“». Включенная в заключительную строфу цитата отсылает читателя к 107 аяту 21 суры Корана («Пророки»), в котором Всевышний обращается к пророку Мухаммеду со словами: «Мы послали тебя только как милость для миров».

Одной из вершин лирики Г. Тукая, в которой лирический герой выступает как носитель религиозного сознания, является стихотворение «Васыятем» («Мое завещание», 1909). В звучащем в начале стихотворения обращении к душе: «*Кайт, и нәфсе мотмәиннәм! Бар, юнәл, кит Тәңрәңә;/ Бирдең аркаңны моңарчы, инде бир бит әмренә*»¹⁷ — «Вернись, душа, обретшая покой! Иди, стремись, лети к своему Создателю! / До этого ты была обращена (к нему) спиной, теперь — внемли его повелению, повернувшись лицом» — присутствует кораническая аллюзия: согласно мусульманским эсхатологическим представлениям, душа человека в Судный день возвратится в место своего отправления.

Для субъекта речи экзистенциально значимой оказывается манифестация религиозной идентичности, веры, которой наполнено его сердце:

*Әһле тәкфир бер гәҗәпләнсен, күрәп актык сүзем:
Күр, нә рәсмә тулган иман берлә Коръән садрәмә!*¹⁸.

Пусть, увидев мои последние слова, удивятся те, кто называл меня безбожником: Гляди, сколько веры и Корана в моей груди!

¹⁴ Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 221 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 221.

¹⁵ Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 141 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 141.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же.

Основу стихотворения «Миградж» составляют события, упоминаемые в первом аяте 17 суры («Ночной перенос»): «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он — всеслышащий, всевидящий!». Речь идет об одном из чудес при жизни пророка Мухаммада — его ночном переносе из Мекки в Иерусалим и последующем вознесении на мифическом существе ал-Бурак. Этот сюжет широко представлен в восточной литературе в многочисленных миграджнаме¹⁹.

С точки зрения субъектной организации, «Миградж» — пример «повествовательной» лирики. Автор в нем субъектно не выделен, но возвышенный эмоциональный тон, образный строй и звучащая в конце стихотворения оценка описанных событий: «*Нә саташмак, нә гөман, нә хыял, нә төш иде, — / Бер илаһи вакыйга, мөгъжиз вә серле эш иде*»²⁰ («Это не было ни бредом, ни (плодом) воображения, ни фантазией, ни сном — / Это было божественным событием, чудесным и таинственным») — указывают на то, что повествователь предстает перед читателем как носитель религиозного сознания.

Субъектная форма, в которой автор выступает как «повествователь», по всей видимости, связана с тем, что в основывающихся на коранических сюжетах стихотворениях («Миградж», «Ночь ал-Кадр»), для поэта было значимо само событие, связанное с жизнью пророка Мухаммеда.

Автор-поэт

Г. Халит в монографии «Многоликая лирика» писал: «Уже в его (Г. Тукая. — М.И.) раннем творчестве наблюдалось страстное стремление понять роль поэта, миссию поэзии... В освоении данной проблемы поэт успел проявить как традиционный, так и собственный подход к ней» [8. С. 165–166].

Тема поэзии и поэтической миссии раскрывается в стихотворениях «Хэзерге хәлебзгә даир» («О нынешнем положении», 1906); «И каләм!» («О, перо!», 1906), «Пушкинә» («Пушкину», 1906), «Шагыйрьгә» («Поэту», 1907); «Бер татар шагыйренә сүзләре» («Слова одного татарского поэта», 1907), «Шагыйрьгә» («Поэту», 1907); «Мөтәшагыйрьгә» («Бесталанному поэту», 1907); «...гә (Ядкяр)» («К...(Воспоминанье)», 1908); «Татар мөхәрриренә» («Татарскому писателю», 1910).

Стихотворение «Поэту» представляет собой вольный перевод произведения М.Ю. Лермонтова «Г(ну) Павлову». «Общая для обоих стихотворений тема — положения поэта в обществе, — пишут М. Ибрагимов и И. Гумеров, —

¹⁹ Ганиева Р.К. «Мигъраж» // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казань, 2016. 436 б. = Ганиева Р.К. Миградж // Габдулла Тукай : энциклопедия. Казань, 2016. С. 436.

²⁰ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 2 т. : шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 117 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 2 : стихотворения (1909–1913). Казань : Татарское книжное изд-во, 2011. С. 117.

у Лермонтова раскрывается в мотиве клеветы света, который у Тукая, по причине отсутствия в татарской концептосфере начала XX в. концепта «свет» (в значении «светское общество»), оказывается трансформированным: в стихотворении татарского поэта речь идет об отношении к поэту народа... Таким образом, лермонтовский мотив в вольном переводе Тукая изменяется не на стилистическом, а на семантическом уровне: клевета света трансформируется в клевету и зависть к поэту со стороны людей» [9. С. 23].

Иной тип выражения авторского сознания присутствует в стихотворениях «Бер татар шагыйренең сүзләре» («Слова одного татарского поэта»), «Шагыйрь» («Поэт»), «Тәрәддәд вә шөбһә» («Колебания и сомнения»), «Вакъты гажезем» («В часы сомнений»), «Сәрләүхәсез» («Без названия»). В них авторское сознание выражается как взволнованный лирический монолог, как рефлексия, в центре которой тема творчества.

Так, в стихотворении «Поэт» содержится вера в свой талант, жизненный оптимизм:

*Күкрәгемдә минем шигърь утым саумы?!
Күтәрәм мин, карт булсам да, авыр тауны;
Күңлемдә көн һаман аяз — һаман да яз:
Шагыйрь күңелендә кыш булмый да кар яумый²¹.*

Горит ли в груди моей огонь поэзии?!
Подниму я, хоть и стар, тяжелую гору.
В сердце моем ясный день — вечная весна:
В сердце поэта не бывает зимы, не идет снег.

Лирический субъект видит в поэзии источник жизненной энергии («Булмамын, юк, картайсам да, чын карт кеби, / Утырмам тик, юк-бар теләк тели-тели; / Менмамен мин, Ходай кушса, мич башына, / Шигърьләрдән килер миңа кирәк җылы — «Не стану я с годами как старик, / Не буду почивать, мечтая о пустом. / Бог даст, не стану, лежать на печи, / От стихов получу я нужное тепло»), силу, побеждающую страх перед смертью:

*Жырлый-жырлый үләрмен мин үлгәндә дә,
Дәшми калмам Газраилне күргәндә дә;
«Без китәрбез, сез каласыз!» — дип җырлармын,
Җәсәдемне туфрақ берлә күмгәндә дә²².*

В предсмертный свой час я буду петь,
Не промолчу, когда за мной придет Азраил.
Буду петь «Мы уходим, вы остаетесь»,
Даже тогда, когда мое тело предадут земле.

²¹ Тукай Г. Әсәрләр : 6 томда. 1 т. : шигъри әсәрләр (1904–1908). Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. 225 б. = Тукай Г. Сочинения : в 6 томах. Т. 1 : стихотворения (1904–1908). Казань : Татарское кн. изд-во, 2011. С. 225.

²² Там же.

Более сложным с точки зрения развития лирического сюжета оказывается стихотворение «Колебания и сомнения», лирический субъект которого терзается мучительными вопросами о своем предназначении, сущности своего творчества:

*Жырлыймын, ләкин жырымнан файда бармы халкыма?
Бер маләктән яки шәйтанның илһамым килә?*²³.
Я пою, но есть ли от моих песен польза народу?
От ангела или шайтана приходит ко мне вдохновение?

Состояние безнадежности, неудовлетворенности от написанного («*Һич риза булмыйм үземнән язганымнан соңра мин; / Һәр заман күз алдыма кимлек вә ноксаным килә*»²⁴ — «Закончив писать, я не доволен тем, что написал: / Всегда вижу в написанном несовершенства и недостатки») сменяется душевным просветлением, надеждой на будущее:

*Кайвакытлар һәр сәгадәттән өмидемне өзәм, —
Әллә кайдан шунда икбаль чулпаным килә.
Ялтырый ул күкләремдә, күп өмидләр арттыра:
Күз яшем сөртсәгә гүя назлы җананым килә*²⁵.
Порою я теряю всякую надежду —
И тогда откуда-то восходит звезда моего счастья.
Сверкает оно в моих небесах, наполняет надеждой,
Словно любимая, которая явилась, чтобы утереть мне слезы.

Обращая внимание на сложное переплетение противоречивых эмоций в этом стихотворении, Т.Ш. Гилязов пишет «Посредством обращения к вариациям одновременных противоречий автору удастся более полно передать движение души лирического героя, психологические изменения, диалектику души»²⁶.

Анализируя стихотворение Г. Тукая «Пәйгәмбәр» («Пророк»), Г. Халит писал: «Сближение или отождествление роли поэтической личности или вообще человека с пророческой и даже божественной миссией было широко распространено в суфийской поэзии левого, пантеистического направления. Подобная тенденция в новой татарской поэзии имеет прямые параллели в русской классической поэзии. И в данном случае через образ поэта-пророка проступает один из аспектов «западно-восточного синтеза»...» [8. С. 173].

²³ Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913). Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 10 б. = Тукай Г. Сочинения: в 6 томах. Т. 2: стихотворения (1909–1913). Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. С. 10.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Гыйләҗев Т.Ш. Тәрәддед вә шөбһә // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан, 2016. 613 б. = Гилязов Т.Ш. Колебания и сомнения // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казань, 2016. С. 613.

Ученый сравнивает стихотворение Г. Тукая с одноименным произведением другого татарского поэта начала XX в. — Сагита Рамиева — и приходит к выводу, что в отличие от стихотворения С. Рамиева, в котором доминирует «романтический субъективизм», в тукаевском «Пророке» преобладает идея гуманизма: «Он (Тукай. — М.И.) не смотрит на поэта-пророка как на рупор своего лирического героя, а обращает внимание на его проповедь, жизненно-историческую объективность. Поэтому между традиционным гуманизмом тукаевского поэта-пророка и передовыми идеалами времени есть тесная связь, созвучие, а у рамиевского пророка нигилистические настроения как бы преграждают путь к этой связи, созвучию» [8. С. 178].

Сопоставляя стихотворения Г. Тукая и С. Рамиева на уровне субъектной организации, необходимо указать на «повествовательность» первого стихотворения: в нем внимание читателя сосредоточено не на переживаниях лирического субъекта, а на событиях после обретения им дара пророчества (такая субъектная организация присутствует и в стихотворении М. Лермонтова).

В рамиевском переводе пушкинского пророка субъектная организация претерпевает изменения. Если пушкинский «Пророк» заканчивается обращением Бога к лирическому субъекту, то у С. Рамиева — последовавшим за этим эмоциональным откликом лирического субъекта:

*Ди дә күктән аваз, сикереп торамын,
Китеп, бер тау башында ултырамын;
Бизәм шунда тамам чын-чын күңелдән
Бу дөньяның бөтен жир һәм күгеннән*²⁷.

Говорит небесный голос, и я вскакиваю,
Поднимаюсь на вершину горы;
Искренне отрешаюсь там
От земли и неба этого мира.

Для С. Рамиева, очевидно, важно подчеркнуть индивидуальное начало в лирическом субъекте.

Таким образом, в стихотворениях Г. Тукая, в которых автор выступает как поэт, обнаруживается связь с характерными для средневековой татарской поэзии представлениями о высокой миссии поэта как медиума между Богом и людьми и соответствующая ему сакрализация поэтического творчества («О нашем нынешнем положении», «О, перо!», «Пророк»). Эта связь особенно ярко проявилась в ранних произведениях татарского поэта.

В написанных во второй и третий периоды художественной эволюции стихотворениях Г. Тукая появляются новые грани осмысления темы поэта и поэзии и соответствующие им особенности выражения авторского сознания. Риторичность сменяется интимными переживаниями, сомнениями в своем

²⁷ Рамиев С., Бабич Ш. Эсәрләр. Казан: Мәгариф, 2005. 34 б. = Рамиев С., Бабич Ш. Сочинения. Казань: Магариф, 2005. С. 34.

творчестве, внутренними противоречиями («Размышления одного татарского поэта», «Поэт», «Колебания и сомнения». «В часы сомнений»). В этих стихотворениях в центре лирическое «я», что находит отражение в субъектной сфере: в указанных произведениях на первое место выходит лирический субъект.

Заключение

Лирика Г. Тукая, рассматриваемая с точки зрения авторского сознания представляет собой сложную систему, в которой сосуществуют различные типы авторского сознания: просветительское, гражданское, религиозное, автор-поэт.

Различны и формы субъектной организации стихотворений: «повествователь», «лирическое «я», «ролевая лирика».

Факторами, определяющими типы авторского сознания, являются литературная традиция, диалог с восточной и русской поэзией, культурно-исторический контекст, обусловивший «многоликость» (Г. Халит) татарской лирики начала XX в.

В ситуации обновления понятийно-терминологического аппарата современного литературоведения и в целом его теории и методологии значимым становится обращение к теоретическому наследию отечественных научных школ. Разработанная в трудах Б.О. Кормана и его последователей теория автора и сформировавшийся в рамках этой авторитетной научной школы понятийный тезаурус могут стать опорой для изучения типов авторского сознания и форм их выражения в татарской литературе. Методология субъектного анализа обладает хорошим потенциалом в исследованиях идентичности в литературе, в том числе национальной. В системе авторских самоидентификаций значимыми являются его самоопределения как человека, причастного к этнической общности. Системный анализ субъектной сферы позволяет зафиксировать особенности этого типа авторского сознания в творчестве отдельных поэтов и писателей, а в широком смысле — в различные периоды в истории национальных литератур.

Список литературы

1. *Гыйләжєв Т.Ш.* Тукай гыйльмияте: төшенү һәм өйрәнүж юллары (Тукаеведение: пути осмысления и исследования). Казань : РИЦ «Школа», 2023.
2. *Ибрагимов Г.* Әсәрләр: 15 томда. 6 т. : әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1914). Казан : Татар. кит. нәшр., 2019. 327 б. = *Ибрагимов Г.* Сочинения : в 15 томах. Т. 6 : Статьи о литературе и искусстве (1910–1914). Казань : Татарское кн. изд-во, 2019. 327 с.
3. *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы // Габдрахман Сәгъди: фәнни-биографик жыентык. Казан : Жыен, 2008. 416 б. = *Сәгъди Г.* История татарской литературы : научно-популярный сборник. Казань : Джиен, 2008. 416 с.
4. *Халит Г.* Тукай. Лирик герой. Жан диалектикасыю // Казан утлары. 1976. № 4. 77-90 б. = *Халит Г.* Тукай. Лирический герой. Диалектика души // Казан утлары. 1976. № 4. С. 77–90.

5. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. С. 314–335.
6. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур. Казань : «Фэн», 1997. 189 с.
7. Аминева В.Р. Субъектные структуры в лирике Н.А. Некрасова и Г. Тукая: типологические параллели и межлитературные диалоги // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 14–20.
8. Халит Г. Многоликая лирика. Казань : Татарское кн. изд-во, 1990.
9. Ибрагимов М.И., Гумеров И.Г. Семантические трансформации мотивов в вольных переводах Габдуллы Тукая из русской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 11 (89). С. 22–25. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.4> EDN: YMRATJ

References

1. Gyjladjev, T. Sh. 2024. *Tukay Studies: Paths of Understanding and Research*. Kazan: School publ. (In Tatar).
2. Ibrahimov, G. 2019. *Works: in 15 volumes*, vol. 6: Articles on Literature and Art (1910–1914). Kazan: Tatar Book publ. (In Tatar).
3. Sagdi, G. 2008. “History of Tatar Literature.” In *Gabdrakhman Sagdi: A Scientific and Biographical Collection*. Kazan: “Djyen” publ., pp. 52–190. (In Tatar).
4. Halit, G. 1976. *Tukay*. “Lyrical Hero. Dialectics of the Soul.” In: *Kazan utlary*, no. 4, pp. 77–90. (In Tatar).
5. Korman, B.O. 2006. “The Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms.” In: *Selected Works. Literary Theory*. Izhevsk: Institute of Computer Research publ., pp. 314–335. (In Russ.)
6. Nigmatullina, Yu.G. 1997. *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Russian and Tatar Literatures*. Kazan: “Fen” publ. (In Russ.).
7. Amineva, V.R. 2015. “Subject Structures in the Lyrics of N.A. Nekrasov and G. Tukay: Typological Parallels and Interliterary Dialogues.” In *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2015, no. 2, pp. 14–20. (In Russ.).
8. Halit, G. 1990. *Multifaceted Lyrics*. Kazan: Tatar Tatar Book publ. (In Russ.).
9. Ibragimov, M.I., and I. G. Gumerov. 2018. “Transformations of Motifs in Gabdulla Tukai's Free Translations from Russian Poetry.” *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, Tambov: “Gramota” publ., no. 11, pp. 22–25. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.4> (In Russ.). EDN: YMRATJ

Сведения об авторе:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Поволжья и Урала, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0000-0002-7805-3167; eLibrary SPIN-код: 4217-6864. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Bio note:

Marcel I. Ibragimov is the Candidate of Philology, Senior Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research of the Volga and Ural Regions, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7805-3167; eLibrary SPIN-code: 4217-6864. E-mail: mibragimov1000@mail.ru